

Предисловие

Название “Жизненные стратегии”¹ я использую всякий раз, когда меня приглашают прочитать лекцию, а чаще цикл лекций на столь широкую и неопределенную тему, как жизнь. Я уже человек старый, хотя не чувствую и не понимаю этого. За моими плечами три четверти века и позади, несомненно, самое главное: детство, молодость, учеба, профессиональная карьера, создание семьи, путешествия, политическая и гражданская активность. Все это еще не подошло к концу, но я не жду никаких революционных переворотов, кроме того, что рано или поздно (хорошо бы попозже) наступит... пора умирать. Эти слова я вынес в заглавие своей предыдущей книги, которую решил продолжить. Однако это не будет “Пора умирать, часть вторая”. Там я писал о жизни и работе, немного о людях, с которыми встречался, и затрагивал проблемы, казавшиеся мне важными. Сегодня я похожим образом выстраиваю свои авторские лекции в разных частях света. Не звучит ли слово “лекции”

¹ На польском книга выходила под названием *Strategie życia czyli jak zjeść ciastko i je mieć* (“Жизненные стратегии, или Как съесть пирожок, чтобы он остался цел”). — Здесь и далее примеч. пер.

слишком серьезно? Скорее, это беседы, как правило, иллюстрируемые фрагментами моих фильмов. Эти киноцитаты не дают представления обо мне как художнике — напротив, разрушают целостность того, что я стараюсь создавать в искусстве. Я мог бы использовать на лекциях ленты других режиссеров, но это было бы нечестно по отношению к коллегам, поскольку такие презентации обычно портят художественное впечатление.

Общение со зрителями я считаю обязанностью, ведь если я публично высказываюсь, снимая фильмы и выступая по телевидению или радио, если пишу статьи, это значит, что я обращаюсь к людям и, когда они хотят продолжить разговор, должен пойти им навстречу. Не имеет значения, что приходится делать большие усилия, тратить много времени на дорогу, подвергаясь при этом риску, что с совершенно незнакомыми людьми не удастся установить контакт и, стоя с микрофоном в зале кинотеатра или клуба, я не смогу донести до них то, что лучше умею выражать на экране или бумаге. Каждая встреча требует мобилизации всех сил и становится определенным вызовом.

Несмотря на это, встречаясь с публикой, я не только выполняю долг, но и очень часто испытываю истинную радость, особенно когда общаюсь с молодежью. Это не самые простые для меня разговоры. Я уже весьма пожилой (пишу так, хотя совсем в это не верю), молодые обычно не знают моих фильмов, и, видя перед собой незнакомого человека, они оценивают, можно ли доверять тому, что я говорю. Оценивают, порой задавая трудные и даже бесцеремонные вопросы, а порой молча, вынуждая меня сделать первый шаг. И только если я как-то заинтересую их, спровоцирую или заставлю в чем-то убедиться, они включаются в беседу.

Большинство встреч происходит вдалеке от столицы (в которой я живу), там, куда по разным причинам неудобно добираться, и именно они оказываются самыми интересными. Люди в небольших городках чаще высказываются напрямую, без обиняков и не вставая в позу, которая в компании городских снобов нередко делает общение невыносимым. А превыше всего я ценю то, что они говорят серьезно и не пытаются вытягивать из меня забавные случаи из жизни, интригующие подробности, веселые байки и сплетни о сильных мира сего, которых я встречал на своем пути и о которых могу рассказывать, хотя эти анекдоты мало что значат.

Удачными я считаю те встречи, на которых мы беседуем всерьез, когда люди хотят вслух размышлять о жизни и рассуждают о том, что в ней имеет ценность, а что нет. Разумеется, у меня нет точных ответов, как, пожалуй, нет их ни у кого. Каждая человеческая жизнь складывается по-своему, и, к счастью, простых рецептов не существует. Возможно, рецепты вообще бессмысленны, и тем не менее полезно задумываться, разговаривать, наблюдать за судьбами других, чтобы лучше управлять своей собственной.

Я бы хотел выстроить эту книгу, опираясь на разнообразный опыт, полученный в ходе такого общения. Прошу отнестись к ней легко и снисходительно. Если хотя бы одна сформулированная здесь мысль читателю пригодится, я буду рад — значит, силы потрачены не впустую. На многое я не рассчитываю, ибо знаю, сколь многого не знаю.

Предыдущая фраза прозвучала, как цитата из Сократа. Мой друг, итальянский писатель Рокко Фамильяри, в одной своей книге написал: “Чем старше я становлюсь, тем больше уверяюсь в своей неуверенности”. Вроде бы забавно, а на самом деле страшно. Мы хотим, чтобы с возрастом

у нас прибавлялось уверенности в себе. В общем так и происходит, но при этом пространство наших мыслей постоянно увеличивается. Сомнение должно быть не целью, а средством быть начеку. Не испытывая сомнений, мы впадаем в стагнацию, рутину, бессмыслицу. А сомневаясь сверх меры, рискуем заработать психическое заболевание. Остается срединный путь, гармония, и я хочу возвращаться к ней снова и снова, делаясь с читателями соображениями и взглядами, в которых достаточно глубоко убежден. Я пишу “достаточно глубоко”, а значит, сохраняю осторожность, ибо знаю: то, что сегодня кажется мне некоей истиной, завтра может измениться. Под влиянием нового опыта я могу сформулировать мысль по-другому, а ту же самую проблему в ином ракурсе увидеть будто впервые. До тех пор пока жив разум, нужно искать более удачные определения, стараться точнее формулировать те предчувствия, из которых складывается то, что называется немодными нынче словами “жизненная мудрость”.

Я использовал два понятия: “взгляды” и “убеждения”, — пытаюсь показать, что они очень важны, в то время как прекрасно понимаю: это совсем не так. Папа римский Иоанн XXIII сказал однажды об одном своем друге: “Мы были очень близкими людьми. Правда, нас разделяли взгляды, но это не имело значения”.

Когда взгляды могут не иметь значения? В том случае, если мы разными путями, но искренне ищем истину. Если два физика не согласны по какому-то научному вопросу, разве они должны перестать дружить? Нет. Я начал с физиков, поскольку изучал эту дисциплину в университете и сохранил к ней большую симпатию. Разница во взглядах может не иметь значения даже в политике, при условии что противники не ставят под сомнение добрые намере-

ния противоположной стороны. В правительственной комиссии по культуре у меня несколько сроков подряд был оппонент, выступавший против поддержки кинематографии из госбюджета. Я полагаю, что такая поддержка нужна и полезна, она работает на благо национальной культуры, ведь только при государственной помощи могут сниматься фильмы сложные, предназначенные для более требовательных зрителей, коих не так уж много, чтобы выручки от купленных ими билетов хватило на покрытие производственных расходов. Частичное финансирование национальных фильмов принято во всей Западной Европе. Просуществовав сто лет, кино оказалось приравнено к театру и музыке, за развитие которых доплачивает любое западноевропейское государство. Мой же оппонент доказывал обратное. Но однажды мы случайно встретились в поезде и прекрасно пообщались на разные отвлеченные темы, не касаясь того, что нас разделяет.

Итак, мы умеем жить в мире, полном различных взглядов, но сам факт существования различий время от времени заставляет нас усомниться в своих убеждениях. Что же я могу предложить читателю, не гарантируя, что провозглашаемые мною взгляды — это истина в последней инстанции? Понятно, что сам я постоянно думаю о своих взглядах. Но вы? Как могут вам пригодиться размышления пожилого кинематографиста, собравшего ответы на вопросы, которые задавали ему зрители?

Что дает мне основания верить в смысл такого разговора? Я отвечаю на вопросы так полно, как только могу, иногда сбиваясь и поправляя себя в надежде, что новый ответ лучше предыдущего. Когда я смотрю в глаза слушателям, у меня складывается впечатление, что мы вступили в диалог, и тогда наступает их очередь говорить. У каждого из вас —

слушателей или читателей — своя жизнь, за вас я ее не проживу и не могу даже пытаться решать стоящие перед вами проблемы. Значит ли это, что все мои действия бессмысленны? Не обязательно. Надеюсь, я смогу помочь кому-то упорядочить собственные взгляды, придать им большую ясность. Быть может, кто-то разрешит для себя некое противоречие или, по крайней мере, задумается о нем.

Я подчеркиваю свою старость так, словно этот факт должен вызвать у читателя доверие к моей роли ментора. Тем временем старость сама по себе не гарантирует ни мудрости, ни авторитета. Однажды кто-то напомнил мне, что еще в недалеком прошлом авторитет старейшины рода был основан на состоянии, передававшемся по наследству: крестьянин по своему усмотрению передавал детям землю, мещанин при жизни определял наследника, аристократ мог без труда лишиться наследства неблагодарных потомков и, повинувшись капризу, одарить недостойного человека, если испытывал к нему симпатию. Поэтому патриарху повиновались, и демонстрировать ему уважение было в известной степени необходимостью.

Сегодня, когда имущественное принуждение стало исключением, старик может построить свой авторитет только на мудрости, то есть на суммарном опыте, накопленном за долгую жизнь. Я с грустью замечаю, что мало кто пользуется этой привилегией. Наблюдаю множество пожилых людей, которые неумны, возможно, даже больше, чем в молодости. От молодых они могут ожидать заботы, положенной слабым, но никак не уважения к своим взглядам.

Следовательно, и я, называя себя старым, не могу по одной этой причине рассчитывать на почтение. Более того, несмотря на свой возраст, я не чувствую себя особенно про-